

УДК 342.4

DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Условия и конституционные ограничения рецепции международно-правовых стандартов в РФ

Косолапов Михаил Федорович

Кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Аннотация

Автор на основе анализа Конституции Российской Федерации рассматривает заложенный в национальном праве механизм рецепции международно-правовых стандартов в российскую правовую систему. В работе выявлены и проанализированы два традиционных вида рецепции: единовременная и прямая. Наибольшее внимание уделено рассмотрению прямой формы заимствования, так как она не только получила конституционное закрепление, но и напрямую связана с правоприменением, обеспечивает имплементацию норм и других элементов международного права в непрерывном режиме. При этом автор отмечает, что подход, реализованный в тексте Основного Закона, является достаточно сбалансированным. Вместе с тем отмечается, что установление нормами конституций общих параметров рецепции элементов международного права не предполагает, что этот процесс ничем не ограничен. В качестве одного из «барьеров» рассматривается конституционное закрепление иерархии в системе национальных и международных норм. В статье особое внимание уделено рассмотрению роли конституционного правосудия в процессе обеспечения баланса международно-правовых стандартов в рамках национальной правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Косолапов М.Ф. Условия и конституционные ограничения рецепции международно-правовых стандартов в РФ // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 48-57. DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Ключевые слова

Рецепция, правовые заимствования, Конституция РФ, Конституционный Суд, конституционный контроль, правовая охрана, имплементация, международное право, международно-правовые стандарты.

Введение

Вопросы, связанные с механизмом правового заимствования (рецепции) принципов, норм и институтов из внешней правовой среды permanently сохраняют свою актуальность для каждого современного государства. Он позволяет поддерживать национальную правовую систему в режиме постоянного развития в соответствии с мировыми правовыми тенденциями. Особенно всплеск интереса к правовой рецепции характерен в период крупномасштабных правовых преобразований. Если на протяжении длительного периода процесс правового заимствования был ориентирован на рецепцию элементов из национальных правовых систем (горизонтальная рецепция), то в последние десятилетия особое значение стала приобретать рецепция международно-правовых стандартов (вертикальная рецепция). Актуальность рассмотрения последнего способа рецепции состоит в том, что он, в отличие от горизонтального механизма рецепции, не только получил обобщенное конституционное закрепление, но и в результате конституционной реформы 2020 г. обрел правовые критерии такого правового заимствования.

Основная часть

Анализируя современный уровень интернационализации, можно выделить целый ряд предпосылок, способствующих развитию данного процесса. В зависимости от сферы их проявления, как представляется, они могут быть разделены на две группы: заложенные внутренним законодательством, которые легко отслеживаются в самом тексте конституций, и внешние, находящиеся за пределами внутригосударственного права в целом, порожденные действующей международной практикой.

Первые являются отражением исключительно воли самого государства, что позволяет их отнести к добровольной рецепции. К этой группе можно отнести конституционные положения, содержащие непосредственные ссылки на положения международного права, документы в тексте конституции, определяющие допуск и порядок действия отдельных элементов международного права в рамках национальной правовой системы; ориентирование конституционных положений в области прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области; включение в конституционный текст новых, обусловленных действующими международными обязательствами положений и т.д.

Рассмотренные предпосылки, как представляется, в своей основе закрепляют различные механизмы рецепции, что позволяет говорить о единовременной и прямой (длительной, программной) рецепции.

Единовременная (производная) рецепция международных стандартов, как правило, применяется при разработке текста новой конституции или внесении в нее изменений, когда конституционный или законодательный акт изначально создается (или изменяется) с учетом действующих международных обязательств и иных правовых стандартов, учитываемых соответствующим государством. Таким примером можно считать широкомасштабный процесс правовых реформ, проходивших в России в 90-х годах. Составными элементами данного процесса можно считать учет конституционного опыта зарубежных стран, международно-правовых стандартов, в том числе в области прав человека, а также переосмысление сложившихся национальных правовых традиций. Таким образом, можно констатировать, что Конституция РФ 1993 г., законодательство и правоприменительная практика России менялись с учетом основных международных обязательств и ценностей международного сообщества

[Авакьян, 1997, 204].

Вместе с тем, как представляется, процесс рецепции международно-правовых стандартов национальной правовой системой не должен заканчиваться на этапе разработки и принятия того или иного акта. В силу объективно существующего правового развития международной системы в целом, и в связи с расширением (изменением) договорной практики государства этот процесс должен носить непрерывный характер. Только такой порядок способствует сбалансированному развитию всей национальной правовой системы и содействует добросовестному выполнению международных обязательств государства.

Наиболее эффективным способом решения данной задачи без использования сложной законодательной процедуры является закрепление в тексте основного закона положения, предусматривающего механизм прямого заимствования международно-правовых стандартов, которые не были учтены при разработке документа, появились или эволюционировали после его принятия. Речь идет о конституционной норме, предполагающей включение в национальную правовую систему определенных элементов международной системы (принципов, норм международного права, международных договоров), а также ориентирование конституционных положений и законодательства в сфере прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области. Применительно к Конституции РФ 1993 г. речь идет о ч. 4 ст.15, ч. 1 ст. 17, свидетельствующих об отсутствии каких-либо установок, препятствующих интернационализации национального правопорядка. Причем, как в случае с производной (единовременной) рецепцией, так и в случае с прямой, этот процесс санкционируется государством, носит добровольный характер.

Данный подход в той или иной степени характерен для большинства конституций, принятых в мире за последние десятилетия. При этом методы имплементации в национальную правовую систему элементов международного права в определенной степени разнятся. Выбор модели «допуска» положений международного права в национальную правовую систему является суверенным правом каждого государства, однако какой бы подход ни был выбран, он всегда должен осуществляться с учетом обязательств по международному праву в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

При этом, как представляется, подход, реализованный в тексте Конституции РФ 1993 года, является достаточно сбалансированным. Указание на то, что помимо международных договоров в правовую систему включаются общепризнанные принципы и нормы, несмотря на некоторую абстрактность формулировки, расширяет возможности компетентных органов государства использовать международно-правовые стандарты в своей деятельности. По смыслу конституционной нормы имеются в виду другие, отличные от договорных (не исключая их) источники международного права, к которым потенциально можно отнести и положения международных обычаев, общенормативных актов международных организаций, международных договоров, не ратифицированных Российской Федерацией.

Вместе с тем установление нормами конституций общих параметров рецепции элементов международного права не предполагает, что этот процесс ничем не ограничен. Положения международного правопорядка, даже сформированные с участием государства, в любом случае не в состоянии учитывать все его интересы и особенности. Внешнее влияние не всегда играет положительную роль для национальной правовой системы. С целью исключения возможности введения в нее несовместимых элементов международного права, вводятся конституционные положения, устанавливающие пределы такого вмешательства.

Как отмечает Л.А. Шарнина, «интегрирование в конституционное право наднациональных

элементов должно иметь пределы как формально-нормативного характера, связанного с соблюдением установленных процедур, компетенции, требований к иерархии форм права, так и содержательного свойства, представляющего собой ограничения по включению в правовую систему правовых положений, противоречащих национальному правосознанию и не согласующихся с социально-экономическими, культурными, духовными условиями жизни в стране» [Шарнина, 2018, 9-10].

К одному из таких «барьеров» можно отнести закрепление иерархии в системе национальных и международных норм. Однако если механизм рецепции международно-правовых стандартов свойственен большинству современных конституций, то по вопросу соотношения элементов международного права и норм конституции в результате такого взаимодействия, позиции государств расходятся. Как правило, государства исходят из верховенства конституционных норм над нормами международного права. Только некоторые государства предусматривают возможность внесения изменений в конституцию в связи с участием в международном договоре. Что касается Российской Федерации, то текст Конституции РФ и выраженные Конституционным Судом РФ правовые позиции однозначно свидетельствуют о приверженности России первой позиции: ни одна правовая норма, в том числе вытекающая из международных обязательств, не должна противоречить Конституции РФ как акту, обладающему высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны [Эбзеев, 1996, 12; Зимненко, 2001, 128; Туманов, 1996, 4]. Приоритет норм Конституции РФ перед международными договорами подтверждается еще и тем, что именно Конституция РФ наделяет данные источники международного права свойством действовать в правовой системе Российской Федерации.

Аналогичная позиция была выражена и высшими судебными органами. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ указал, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных дел должны руководствоваться положениями Конституции РФ. Понимание рассматриваемой конституционной нормы он видит в том числе через призму положений Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации»¹.

Таким образом, текст Конституции РФ выступает в качестве универсального критерия «допуска» элементов международного права в национальную правовую систему.

Значительная роль в процессе обеспечения баланса международно-правовых стандартов в рамках национальной правовой системы принадлежит Конституционному Суду РФ. Ст. 125 Конституции предусматривает возможность рассмотрения им вопросов о соответствии Основному закону не вступивших в силу международных договоров.

Как уже указывалось ранее, международное право значительно ограничивает случаи признания недействительными вступивших в силу международных договоров. В целях обеспечения необходимого уровня согласованности положений внутригосударственного права, и прежде всего Конституции РФ, с предписаниями межгосударственных соглашений, проверку следует осуществлять до признания обязательств по ним.

Проверка на конституционность международного договора, согласно российскому законодательству, имеет ряд ограничений. В ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» упоминается несколько видов договоров, в отношении которых он

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079.

вправе осуществлять конституционный контроль, однако по смыслу п. «г» объектами проверки могут быть только международные договоры РФ, контрагентами которых являются иностранные государства или международные межправительственные организации, т.е. исключительно субъекты международного права. При этом юрисдикция Суда распространяется на все виды таких договоров, вне зависимости от уровня их заключения: межгосударственные, межправительственные или межведомственные.

Согласно ст. 89 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не каждый международный договор может стать объектом проверки. Закон определяет два критерия, необходимых для обращения в Суд с запросом о конституционности международного договора: 1) контроль должен быть предварительным, т.е. договор еще не вступил в силу; 2) «заявитель считает не вступивший в силу международный договор не подлежащим введению в действие и применению в РФ из-за его несоответствия Конституции РФ». Необходимость осуществления предварительного конституционного контроля в отношении международных договоров обусловлена необходимостью исключить появление в правовой системе Российской Федерации норм, которые могут вступить в противоречие с положениями Конституции РФ. Однако, как показывает практика, количество обращений в Конституционный Суд в связи с проверкой не вступившего в силу международного договора минимально, особенно на фоне объема договоров, ратифицируемых и утверждаемых в РФ.

Дополнительные конституционные пределы рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему Российской Федерации были установлены по итогам реформы 2020 г. Конституционные изменения касаются расширения компетенции Конституционного Суда РФ относительно проверки возможности исполнения актов международных контрольных органов, а также иностранных и международных судебных учреждений.

Международные обязательства по договорам, в первую очередь касающиеся защиты прав и свобод человека, предполагают не только имплементацию содержащихся в них предписаний, но и необходимость исполнения решений учреждаемых ими контрольных органов, обладающих, помимо прочего, правом осуществления официального толкования договора, порой накладывающего на государство дополнительные обязательства.

Являясь по своей сути правоприменительными актами, решения, констатирующие нарушение прав человека со стороны государства, не имеют непосредственно нормативной силы для государств, и по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции не являются напрямую частью правовой системы страны. Однако, в силу принятых РФ международных обязательств, все же должны учитываться в правотворческой и правоприменительной практике государственных органов, в том числе и судебных [Абдрашитова, 2008, 4].

Необходимость внимательного отношения к деятельности международных контрольных органов в первую очередь можно объяснить тем, что эти органы при осуществлении своей деятельности дают официальное (или авторитетное) толкование соответствующих договоров в области прав человека, в основе которого лежит обобщение на универсальном уровне практики реализации договорных положений государствами-участниками, и выявление лучшей, с точки зрения органа, модели реализации закрепленных в них прав и свобод человека.

В отличие от ранее рассмотренного механизма рецепции посредством правового заимствования действующих международно-правовых стандартов, рецепцию стандартов, содержащихся в международной правоприменительной практике трудно отнести к процессу, находящемуся под полным контролем государства.

Первые изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» были сделаны в декабре 2015 г.

Согласно им «по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»².

Данные изменения, как представляется, не ставят под сомнение не только само обязательство РФ по выполнению какого-либо решения согласно международному договору, но и возможность межгосударственного органа давать толкование (в том числе и «эволюционное») его положениям. Вопрос о возможности исполнения мог быть поставлен только в том случае, если возникали сомнения, что такое толкование соответствует положениям Основного Закона, обладающего высшей юридической силой.

Данная формулировка, хотя и имеет абстрактную отсылку к решениям межгосударственных органов по защите прав человека, на самом деле подразумевает, как представляется, постановления Европейского Суда по правам человека. Из всей системы международных правозащитных механизмов, признаваемых РФ, только его решения носили обязательное, а не факультативное значение для государства.

Введение нового полномочия Конституционного Суда РФ в первую очередь было продиктовано неоднозначностью выводов Европейского Суда по правам человека в отношении отдельных жалоб по российским делам. Несмотря на то, что определенные возражения со стороны российских властей и дискуссию в научных кругах постановления ЕСПЧ вызывали и ранее³, вопрос о необходимости какого-либо механизма проверки не поднимался, пока они не затронули непосредственно положения Конституции РФ, содержащиеся в особо защищаемых ее статьях.

Анализ данного направления деятельности Конституционного Суда представляется достаточно затруднительным в виду ограниченности соответствующей практики: во-первых, с момента обретения данного полномочия Судом прошел достаточно ограниченный период времени и было вынесено только два Постановления⁴, во-вторых, оба Постановления касались практики только одного такого органа - Европейского суда по правам человека. При этом, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности их исполнения, его решения, как представляется, носили все же компромиссный характер.

Предоставленное полномочие Конституционный Суд реализовал впервые в 2016 г. при

² ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ.

³ Например: «Ilaşcu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99), «Catan and others v. Moldova and Russia»; «Konstantin Markin V. Russia». (Application № 30078/06).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2017. № 5. ст. 866; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2017. № 5. ст. 866.

рассмотрении возможности исполнения Постановления ЕСПЧ «*Anchugov and Gladkov v. Russia*»⁵. В Постановлении Европейский Суд, при отсутствии четкой регламентации со стороны Конвенции, опираясь на внутригосударственную практику государств-участников Совета Европы, при толковании ее положений, констатировал наличие общеевропейского консенсуса, согласно которому установление ограничений активного избирательного права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, противоречит положениям Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. В результате вывод Суда вступил в противоречие с четким установлением ст. 32 Конституции РФ, согласно которой граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными. Особый статус 2 главы Конституции РФ не позволял исполнить данное Постановление путем внесения изменений в текст Основного Закона.

Вместе с тем, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности исполнения Постановления в части мер общего характера, его позиция, изложенная в Постановлении⁶, носит достаточно компромиссный характер, она не исключает возможность дифференцированного подхода к регулированию данного вопроса на законодательном уровне.

Конституционная реформа 2020 г. внесла изменения, которые расширили полномочия Конституционного Суда в сфере контроля в отношении актов межгосударственных органов.

Содержание п. «б» ст. 125 Конституции РФ имеет достаточно сложную структуру: в ней присутствуют две группы международных органов, причины проверки решений которых на конституционность различны. В первом случае речь идет о решениях межгосударственных органов, содержащих такую интерпретацию договора, которая вступает в противоречие с Конституцией РФ, во втором упоминаются международные суды, включая арбитраж, решения которых по мнению заявителей противоречат основам публичного порядка РФ. Из этого можно сделать вывод, что первая группа органов относится к международному механизму защиты прав и свобод человека, несмотря на то что в последней редакции Закона данная конкретизация была исключена. Таким образом используемая в Конституции РФ и отраслевом законодательстве формулировка «решения межгосударственных органов», стала достаточно широкой [Ромашов, 2017, 132], охватывающей всю систему данных международных органов. Исходя из международных обязательств в области прав человека, это могут быть как судебные органы (Европейский Суд по правам человека), так и группа правозащитных органов системы ООН: «квазисудебные» органы – комитеты по правам человека ООН, Рабочая группа по произвольным задержаниям и т.д. Отсутствие широкой практики по рассматриваемой категории дел несколько затрудняет ее анализ.

Вопрос о необходимости проверки решения международного органа исключительно в отношении аспекта истолкования международного договора, связан в первую очередь с тем обстоятельством, что сами международные договоры, в установленном порядке подписанные, ратифицированные и являющиеся частью правовой системы Российской Федерации, считаются соответствующими Конституции РФ. Данный тезис нашел отражение в Постановлении

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «*Anchugov and Gladkov v. Russia*» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05).

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П. В нем Конституционный Суд отметил, что «международный договор, который при присоединении к нему РФ как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, предававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, соответствовал Конституции РФ, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточной степени абстрактности его норм) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции РФ, прежде всего относящимся к правам и свободам человека и гражданина, основам конституционного строя, а также государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции РФ»⁷.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в Конституции РФ реализован определенный баланс между возможностью рецепции (восприятием) российской правовой системой международно-правовых стандартов, способствующих ее развитию, выполнением государством своих международных обязательств и наличием системы механизмов, препятствующих проникновению в систему тех элементов международного права, которые вступают в противоречие с отдельными ее компонентами, нивелируют национальные культурные, правовые и иные ценности [Ряховская, 2022, 55]. Причем эталонным критерием во всех случаях выступает в силу своей особой правовой природы Основной закон.

Библиография

1. Абдрашитова В.З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. 512 с.
3. Зимненко Б.Л. Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России // Российский ежегодник международного права. 2001. СПб., 2001. 318 с.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Anchugov and Gladkov v. Russia» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05).
5. Постановление Европейского Суда по правам человека: «Ilaşcu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».
7. Ромашов П.А. О некоторых новых полномочиях Конституционного Суда РФ // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. М., 2017. С. 128-135.
8. Ряховская Т.И. Этапы и пределы интернационализации конституционного права России // Вестник ВУиТ. 2022. № 2 (101). С. 51-56.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ 2015. № 6.

9. Туманов В.А. Выступление на всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» // Государство и право. 1996. № 2. С. 3-29.
10. Федеральный закон РФ «О международных договорах Российской Федерации».
11. ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ.
12. Шарнина Л.А. Пределы усмотрения при интернационализации конституционного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 8-18.
13. Эбзеев Б.С. Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // Правоведение. 1996. № 1. С. 5-15.
14. Konstantin Markin V. Russia. (Application № 30078/06).

Conditions and constitutional limitations of the reception of international legal standards in the Russian Federation

Mikhail F. Kosolapov

PhD in Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
410056, 104, Chernyshevskogo str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Abstract

Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the author in this paper examines the mechanism of reception of international legal standards into the Russian legal system, which is embedded in national law. The paper identifies and analyzes two traditional types of reception: one-time and direct. The greatest attention is paid to the consideration of the direct form of borrowing, since it has not only received constitutional consolidation, but is also directly related to law enforcement, ensures the implementation of norms and other elements of international law in a continuous mode. At the same time, the author notes that the approach implemented in the text of the Basic Law is quite balanced. At the same time, it is noted that the establishment by the norms of the constitutions of the general parameters of the reception of elements of international law does not imply that this process is not limited by anything. The constitutional consolidation of hierarchy in the system of national and international norms is considered as one of the «barriers». The article pays special attention to the role of constitutional justice in the process of ensuring the balance of international legal standards within the national legal system.

For citation

Kosolapov M.F. (2023) *Usloviya i konstitutsionnye ogranicheniya retseptsii mezhdunarodno-pravovykh standartov v RF* [Conditions and constitutional limitations of the reception of international legal standards in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 48-57. DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Keywords

Reception, legal borrowings, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court, constitutional control, legal protection, implementation, international law, international legal standards.

References

1. Abdrashitova V.Z. (2008) *Teoretiko-pravovye osnovy ispolneniya reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka. Doct. Dis.* [Theoretical and legal foundations for the execution of decisions of the European Court of Human Rights. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Avak'yan S.A. (1997) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow.
3. Ebzeev B.S. (1996) Pryamoe deistvie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (nekotorye metodologicheskie aspekty) [Direct action of the Constitution of the Russian Federation (some methodological aspects)]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1, pp. 5-15.
4. *Federal'nyi zakon RF «O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation "On International Treaties of the Russian Federation"].
5. *FKZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii» ot 14 dekabrya 2015 № 7-FKZ* [Federal Constitutional Law "On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" dated December 14, 2015 No. 7-FKZ].
6. *Konstantin Markin V. Russia. (Application № 30078/06).*
7. *Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 g. po delu «Anchugov and Gladkov v. Russia» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05)* [Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013 in "Anchugov and Gladkov v. Russia" (Applications nos. 11157/04 and 15162/05)].
8. *Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka: «Ilascu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights: "Ilascu and others v. Moldova and Russia" (Application No. 48787/99)].
9. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 aprelya 2016 g. № 12-P «Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstitutsiei Rossiiskoi Federatsii Postanovleniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P "On the case of resolving the issue of the possibility of enforcement in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the Judgment of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of "Anchugov and Gladkov v. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation"].
10. Romashov P.A. (2017) O nekotorykh novykh polnomochiyakh Konstitutsionnogo Suda RF [On some new powers of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: *Sed'moi permskii kongress uchenykh-yuristov* [Seventh Perm Congress of Legal Scientists]. Moscow.
11. Ryakhovskaya T.I. (2022) Etapy i predely internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava Rossii [Stages and limits of the internationalization of the constitutional law of Russia]. *Vestnik VUiT* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev], 2 (101), pp. 51-56.
12. Sharnina L.A. (2018) Predely usmotreniya pri internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava [Limits of discretion in the internationalization of constitutional law]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of VSU. Series: Law], 1, pp. 8-18.
13. Tumanov V.A. (1996) Vystuplenie na vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiiskaya pravovaya sistema i mezhdunarodnoe pravo: sovremennyye problemy vzaimodeistviya» [Speech at the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russian Legal System and International Law: Modern Problems of Interaction"]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2, pp. 3-29.
14. Zimnenko B.L. (2001) Sootnoshenie mezhdunarodno-pravovykh i vnutrigosudarstvennykh norm v pravovoi sisteme Rossii [Correlation of international legal and domestic norms in the legal system of Russia]. In: *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2001* [Russian Yearbook of International Law. 2001]. St. Petersburg.